

Л. А. ДМИТРИЕВ

Книга академика В. Н. Перетца
«Слово о полку Игоревім —
пам'ятка феодальної України — Русі XII віку»

(К 50-летию издания)

Почти в двухвековой истории изучения «Слова о полку Игореве» важную роль играли монографические исследования памятника, принадлежавшие крупным ученым-филологам. Среди монографий, знаменующих собой существенные этапы в истории изучения «Слова», стоит и книга академика В. Н. Перетца, со времени создания которой прошло столетие. Монография В. Н. Перетца «Слово о полку Игореве. Памятник феодальной Руси XII века»¹ была закончена автором в 1924 г. и вышла в свет в переводе на украинский язык в 1926 г.² Во вступительной заметке «От автора», датированной сентябрем 1925 г., В. Н. Перетц отмечает итоговый, обобщающий характер этого труда, говоря, что в основе его лежат прочитанные им в Киевском, Ленинградском и Самарском университетах лекции по «Слову» и многолетние исследования стиля древнерусских памятников письменности. Все остальные работы В. Н. Перетца по «Слову о полку Игореве» и хронологически, и тематически группируются вокруг этой книги: они либо предшествуют и сопутствуют ей, либо появились немного позже как дополнения и уточнения к ней.³

¹ Так книга называлась в русском авторском тексте. Рукопись этого текста находилась в архиве В. П. Адриановой-Перетц, который в настоящее время передан в Рукописный отдел ИРЛИ. Цитаты из монографии даются по русскому тексту В. Н. Перетца (все они сверялись с украинским переводом по книге). Далее, при цитировании, в тексте, в скобках, указываются страницы книги.

² В. Перетц. Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України — Русі XII віку. Київ, 1926.

³ В. Н. Перетц. 1) Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Sertum bibliologicum» в честь проф. А. И. Малеева. Пгр., 1922, с. 137—145; 2) К изучению «Слова о полку Игореве». I. Новейшая литература о «Слове» (1911—1923). — ИОРЯС, т. XXVIII, 1924, с. 145—199; 3) К изучению «Слова о полку Игореве». II. «Слово» и Библия; III. «Слово» и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. — ИОРЯС, т. XXIX, 1925, с. 23—55; 4) К изучению «Слова о полку Игореве». IV. Эпиграфы в «Слове о полку Игореве» и в устной традиции. — ИОРЯС, т. XXX, 1926, с. 143—204; 5) Адшуканні і нагляданні у беларускай народнай тварчасьці. I. «Слова аб паходзе Ігаравым» і беларуская песенная традыцыя. — Записки аддаелу гуманітарных навук Інстытута беларускай культуры, Менск, 1928, кн. 2, Працы класы філелегіі, т. I, с. 247—253; 6) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. — В кн.: Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Статьи по славянской филологии и русской словесности. — СОРЯС, т. CI, 1928, вып. 3, с. 10—14; 7) «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИОРЯС, т. III, 1930, кн. 1, с. 289—309. Отдельные части работы «К изучению „Слова о полку Игореве“» были в 1926 г. изданы вместе отдельной книгой.

Определяя задачи своей монографии, В. Н. Перетц писал: «Многое в этой книге покажется читателю недоговоренным, фрагментарным, слишком лаконически выраженным. Но позволяю себе думать, что обилие фактического материала, дающего повод к выводам и наводящего на размышления, — ценнее праздного и претенциозного красноречия. Я верю, что и учитель, и студент, и просто любитель старины — сумеют извлечь из собранного мною материала то, что облегчит им понимание „Слова“ в исторической перспективе» (с. V). Стремление дать исчерпывающий фактический материал определило построение монографии: одну треть ее объема занимает историко-литературоведческий очерк — исследование «Слова о полку Игореве» как памятника литературы конца XII в., две трети — текст памятника и комментарии к нему.

Издание текста «Слова» В. Н. Перетцем — оригинальный текстологический эксперимент. Основываясь на показаниях лиц, видевших рукопись «Слова», учитывая особенности орфографии первого издания и Екатерининской копии, используя достижения текстологии своих предшественников и свои собственные наблюдения, В. Н. Перетц воспроизводит два текста «Слова о полку Игореве». Один — текст памятника в прочтении исследователя. В основе его лежит первое издание, в которое внесены исправления по данным Екатерининской копии, выпискам из «Слова» в бумагах А. Ф. Малиновского и в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а также наиболее убедительные конъектурные поправки. Второй — гипотетический текст «Слова» начала XV в., т. е. тот, который мог читаться в рукописи, предшествующей списку, приобретенному А. И. Мусиным-Пушкиным. Этот гипотетический текст «Слова» по существу повторяет первый, но здесь восстанавливается возможный внешний вид его в рукописи: вводятся написания под титлом, выносные буквы, надстрочные знаки. Он разделен на 38 равных отрывков. С заглавием и концовкой такой текст в рукописи форматом в 8° должен был занимать 19 листов по 18 строк на каждой стороне листа: объем, характерный для полууставных рукописей в 8° начала XV в.

Восстанавливаемый текст начала XV в. весьма гипотетичен, что уже отмечалось в литературе по «Слову»,⁴ но заслуживает внимания как реконструкция не только содержания не дошедшей до нас рукописи, но и ее орфографии, и графического оформления. Публикация представляет собой «трехэтажную» конструкцию: верхняя, бóльшая, часть страницы — реконструируемый текст гипотетического списка «Слова», набранный славянским шрифтом; под ним обычным шрифтом (с сохранением «ѣ» и «і») — «Слово» в прочтении издателя; в подстрочных примечаниях — текстологический аппарат. Необходимо подчеркнуть, что публикация основана на строго научных данных лингвистики, палеографии, текстологии. Для В. Н. Перетца вообще характерен очень осторожный подход к тексту «Слова», он был решительным противником всяких домыслов и фантазий. В статье «Новейшая литература о „Слове“», рассматривая «Материалы и заметки по древнерусской литературе» А. И. Соболевского, В. Н. Перетц, в частности, писал: «Мнение почтенного автора замечаний об обилии пропусков в дошедшем до нас тексте „Слова“ кажется нам несколько преувеличенным. Нам кажется, что лучше — не следуя за скептическими взглядами Потехина — стараться понять то, что дает нам текст „Слова“, чем гадать о том, чего в нем нет».⁵ Следует особо от-

⁴ См.: Н. К. Гудзвй. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 46—48.

⁵ В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». I. Новейшая литература о «Слове», с. 9.

метить, что все изменения в тексте памятника не только существенно конъектурного характера, но и чисто орфографические имеют в подстрочном аппарате указание на авторов предложенных чтений. Например, заменяя слово первого издания и Екатеринбургской копии «который» на «который» (во фразе «Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи: которыи дотечаше»), он отмечает, что это прочтение было предложено Вс. Миллером. Такого рода отметки характеризуют не только научную щепетильность и добросовестность исследователя, но и дают наглядное представление об истории текстологии «Слова». Можно только сожалеть, что в последующих изданиях этот принцип не соблюдался с такой педантичностью, как в книге В. Н. Перетца: исправления типа приведенного отмечались, но авторство таких исправлений не обозначалось. В статье 1947 г. «„Слово о полку Игореве“ в советском литературоведении» И. П. Еремин, охарактеризовав текстологический эксперимент В. Н. Перетца как безупречный, отмечал, что издание текста «Слова» В. Н. Перетца представляло собой «исчерпывающий свод всего того, что было сделано в этом направлении русской филологической наукой».⁶

За прошедшие столетия после выхода в свет книги В. Н. Перетца изучение «Слова» ушло далеко вперед, собрана масса новых материалов, расширяющих наше представление о реалиях «Слова», об упоминаемых в нем исторических лицах и событиях, о языке памятника. Однако, несмотря на это, свод комментариев к «Слову» в книге В. Н. Перетца не потерял своего значения и сегодня. В 1929 г. Г. Ильинский в рецензии на книгу В. Н. Перетца писал: «Автор... сделал опыт нового строго критического и методического издания памятника, осветив почти каждое слово его текста подробным комментарием. В результате автор дал русской науке давно желанную энциклопедию „Слова о полку Игореве“, как бы *summa summagum* продолжающей расти как снежная лавина литературы о драгоценном памятнике, и потому эта книга будет долго служить незаменимым справочным пособием не только по вопросам, касающимся самого „Слова“ и его текста, но и по многим другим, более или менее смежным проблемам и памятникам древнерусского книжного и устного творчества».⁷ И сегодня, наряду с лучшими последними комментированными изданиями «Слова о полку Игореве», книга В. Н. Перетца остается энциклопедией памятника, и каждый его исследователь и издатель обращается к ней. В. Н. Перетц в своей книге не только собрал все имевшиеся к тому времени в литературе комментарии и толкования «Слова», но дал и свои собственные изыскания. Наиболее ценной частью его комментариев явились многочисленные стилистические и языковые параллели к «Слову» из древнерусских оригинальных и переводных памятников и фольклорных текстов. Большое значение и важность этой особенности комментариев В. Н. Перетца прекрасно почувствовал Г. Ильинский, который писал в названной выше рецензии: «Благодаря этим сопоставлениям отныне для редкой фразы или выражения „Слова“ нельзя будет указать более или менее точного эквивалента в других писанных и устных памятниках русской литературы. Все же параллели, взятые вместе, доказывают, что поэтический стиль „Слова“ гораздо менее оригинален, чем полагали до сих пор, и что он тысячами нитей связан со многими произведениями предшествующей и современной ему литературы. А если так, то должны окончательно потерять почву все еще изредка появляющиеся в научных сочинениях подозрения насчет подлинности

⁶ ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 16.

⁷ Г. И л ь и н с к и й. Несколько конъектур к «Слову о полку Игореве». (По поводу труда академика В. Н. Перетца). — *Slavia*, роѣ. VIII, 1929, љ. 3, s. 649—650.

„Слова“». ⁸ Продолжением и развитием этой проблемы, по существу впервые широко поставленной и научно обоснованной в книге В. Н. Перетца, явились работы по «Слову» В. П. Адриановой-Перетц — ее статья «Фразеология и лексика „Слова о полку Игореве“»⁹ и книга «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков».¹⁰

Читателей книги В. Н. Перетца прежде всего и более всего интересовал свод комментариев, что отодвинуло на второй план начальную часть книги, скромно озаглавленную вступлением — «Вступ». А между тем, этот раздел книги, несмотря на свой сжатый характер, является обобщением многолетних занятий ученого «Словом о полку Игореве» и отражает состояние науки о «Слове» в 20-е годы нынешнего столетия. «Вступление», основанное на обширных исторических и филологических материалах, собранных в книге в своде комментариев, рассматривает целый ряд вопросов литературной истории памятника.

В. Н. Перетц уделяет много внимания текстологии «Слова о полку Игореве», истории открытия рукописи, датировке погибшего Мусин-Пушкинского списка, точности воспроизведения древнерусского текста в первом издании и Екатерининской копии (параграфы: второй — «Як „Слово“ відкрито», третий — «Коли написано рукопис „Слова“», четвертый — «Точність вид. 1800 р. та Катер. копії»). Исследователь подчеркивает, что открытие рукописи «Слова» в конце XVIII—начале XIX в. объясняется не только счастливой случайностью, но и исторической закономерностью. Именно в этот период возникает широкий интерес к прошлому русской истории, развивается бурная собирательская деятельность. Сравнивая данные о времени списка «Слова», приведенные видевшими рукопись, с орфографическими особенностями ее, о которых можно судить по первому изданию и Екатерининской копии, В. Н. Перетц датирует Мусин-Пушкинский список началом XVI в.

С проблемой рукописи «Слова» тесно связан вопрос о рукописной традиции памятника в древности, чему посвящен пятый параграф «Вступления» — «Доля „Слова“ в рукописній традиції». В. Н. Перетц считает, что списков «Слова» существовало немного, о чем свидетельствует единственность дошедшего до нас списка. Но отражение знакомства в древнерусской письменности со «Словом о полку Игореве» все же говорит о бытовании в древности нескольких списков произведения. В. Н. Перетц полагает, что, кроме приписки к Псковскому Апостолу 1307 г. и «Задонщины», бесспорно отразивших текст «Слова», «Слово о полку Игореве» повлияло на рассказ Ипатьевской летописи о походе Игоря. По его мнению, запись Псковской I летописи под 1514 г. о битве под Оршей, построенная на тексте «Задонщины», некоторыми оборотами свидетельствует о том, что автор этой записи знал и «Слово». Можно предполагать отражение знакомства с текстом «Слова» в одной из редакций Жития Александра Невского (редакции Василия-Варлаама). В одном, в настоящее время неизвестно где находящемся, списке «Моления» Даниила Заточника также нашел отражение текст «Слова». Сопоставление заимствований из «Слова о полку Игореве» в древнерусских памятниках с дошедшим до нас текстом «Слова» дает В. Н. Перетцу основание утверждать, что в известных нам памятниках были использованы такие списки, в которых имелись разночтения по сравнению с Мусин-Пушкинским списком.

⁸ Там же, с. 650—651.

⁹ В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 13—126.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

Теме «„Слово о полку Игореве“ и фольклор» посвящен десятый параграф «Вступления» — «„Слово“ и народная словесность». В. Н. Перетц убедительно показал, что в ряде случаев отдельные пассажи «Слова о полку Игореве», обычно объяснявшиеся влиянием на него устной поэтики, совпадают с приемами произведений книжной традиции. Вместе с тем исследователь охарактеризовал как «неотразимый аргумент» «факт действительного совпадения стилистических элементов „Слова“ с такими же в живой народной песне» (с. 65). Совпадения эти, как он считал, должны объясняться воздействием памятников письменности на народную песню: «„Слово“ (и м. б. недошедшие и сходные с ним памятники Древней Руси) в течение веков непосредственно или через посредство ряда подражаний (вспомним о Сказании и Поведении о Мамаевом побоище, повести об Азове, повести князя Катырева-Ростовского о смуте) передавало свою поэтическую фразеологию народному, устному творчеству» (с. 67). Для научных построений В. Н. Перетца было характерно преувеличение влияния книжной традиции на устную, что дало основание критикам¹¹ усмотреть в его концепции отражение теории аристократического происхождения фольклора, сторонником которой он на самом деле никогда не был.

В. Н. Перетц выступал против гипотезы об устном происхождении «Слова», опровергая всем собранным материалом утверждения тех, кто считал «Слово» записью устно-эпической поэмы. В настоящее время тот факт, что «Слово о полку Игореве» — памятник литературного творчества, — общепризнанная истина, не могущая вызвать сколько-нибудь серьезных возражений. И в данном вопросе В. Н. Перетц оказался абсолютно прав. Вместе с тем, преувеличивая роль книжной традиции в развитии песенного творчества, придавая огромное значение книжной традиции в поэтике «Слова», В. Н. Перетц отнюдь не отрицал и воздействия на «Слово» традиции устно-поэтической. Он говорит о том, что «Слову» предшествовали и сопутствовали устно-эпические похвальные песнопения, прославлявшие подвиги и деяния князей, и книжно-героические воинские повести. В «Слове» нашли отражение — писал он — традиции «литературных памятников, с одной стороны, и с другой — запаса преданий о походах и междуусобиях, без которого невозможны были те эпизоды „Слова“, где повествуется об Олеге Святославиче, Всеславе и ряде других героев своего времени» (с. 60).

Очень существенным в методологическом отношении являлось требование В. Н. Перетца учитывать то обстоятельство, что произведение XII столетия сопоставляется с фольклорными текстами в записях XVIII—XIX вв. Это напоминание заставило исследователей осторожнее подходить к сопоставлениям «Слова о полку Игореве» с фольклорными текстами, глубже заняться рассмотрением вопросов о возможном виде устного народного творчества в древний период. Все это, бесспорно, сыграло важную роль в дальнейшей разработке вопроса о связи «Слова о полку Игореве» с устным народным творчеством.

Нельзя, наконец, не отметить, что и в комментариях к книге, и в статье «Эпитеты в „Слове о полку Игореве“ и в устной традиции» исследователем был собран богатейший материал параллелей из устного творчества к тексту «Слова», которым пользовались и пользуются до сих пор все, затрагивающие вопрос о связи «Слова» с фольклором, в том числе и критики В. Н. Перетца.

¹¹ См.: Ю. Соколов. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — Литературный критик, 1938, № 5, с. 85; Ф. М. Головенченко. Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955, с. 286—293.

С проблемой взаимоотношения «Слова» с устным народным творчеством тесно связан вопрос о языческих богах в «Слове о полку Игореве». Ему уделено внимание в одиннадцатом параграфе книги «Поганські боги в „Слові“». В. Н. Перетц не согласен с точкой зрения сторонников мифологической школы, преувеличивавших значение мифологической стороны «Слова». Предположение о том, что «в конце XII века, спустя два столетия по принятии христианства, верхний класс общества сохранял еще веру в древних богов», он характеризует как «большую натяжку» (с. 70). По мнению В. Н. Перетца, к этому времени «языческое прошлое стало уже достоянием истории: боги — не бесы и не чудища» (с. 72). Остановившаяся на взглядах по этой проблеме Е. В. Барсова, В. Н. Перетц пишет: «По-видимому, Барсов готов зачислить и этого автора (т. е. автора «Слова», — Л. Д.) в разряд „двоеверных“ людей, приобщившихся к христианству, но не порвавших окончательно с язычеством. Может быть, такое толкование и правдоподобно, психологически и эстетически, но, к сожалению, в пользу его нельзя собрать никаких документальных данных и даже сколько-нибудь прочных аналогий» (с. 74). Столь решительное утверждение В. Н. Перетца не может быть принято безоговорочно. В опубликованной посмертно в ТОДРЛ статье В. Л. Комаровича «Культе рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.»¹² приведены интересные материалы, показывающие сохранение в междукняжеских отношениях включительно по XIII столетие каких-то элементов языческих верований. Но, видимо, можно говорить именно лишь о элементах, пережитках двоеверия в высших слоях общества XI—XIII вв., а не о самом двоеверии.

Принимая во внимание бесспорно высокую культуру автора «Слова», его книжную образованность, мы должны рассматривать вопрос о языческих богах очень осторожно. В. Н. Перетц неправ, отвергая всякую возможность проявления двоеверия у автора «Слова», но столь же неверно видеть в языческих богах «Слова» только двоеверие его автора, считать плач Ярославны языческим по своей сути заклинанием. Авторские пассажи в «Слове о полку Игореве» о Дажбожьих внуках, веках Трояна, ветрах — Стрибожьих внуках, обращения к силам природы в плаче Ярославны носили скорее поэтический характер, но отнюдь не отражали язычески-ритуальных воззрений автора. Во всяком случае, при рассмотрении вопроса о языческих элементах в «Слове о полку Игореве» необходимо считаться с соображениями по этому вопросу В. Н. Перетца, — они не потеряли своего значения и теперь.

В монографии вопрос о связи «Слова о полку Игореве» с библейскими текстами не рассматривается. Но в разделе комментариев приведено большое число лексических и стилистических параллелей к тексту «Слова» из древнейших славяно-русских переводных библейских книг. На основе этих и дополнительно собранных материалов В. Н. Перетц написал несколько статей, посвященных проблеме соотношения текста «Слова о полку Игореве» с текстами библейских книг.¹³ Кратко охарактеризуем взгляды ученого на этот важный и до него, по существу, не ставившийся в науке вопрос.

В статье 1930 г. «„Слово о полку Игореве“ и древнеславянский перевод библейских книг», подводившей итоги разысканий ученого по этой проблеме, В. Н. Перетц писал, что в результате своих наблюдений он пришел к выводу, «что, кроме библейской лексики, кроме отдельных, случайных художественных образов, кроме отражения библейских воззрений и веро-

¹² ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 84—104.

¹³ См. выше, прим. 3.

ваний, в „Слове“ нашли себе место и другие библейские мотивы, которые по своему содержанию были в том или ином отношении близки творчеству автора „Слова“.¹⁴ Вывод этот представляется слишком категоричным, и, по-видимому, ученый был ближе к истине в более ранних статьях на эту тему, в которых он писал об ограниченном круге совпадений между «Словом» и библейской литературой. Не все обнаруженные В. Н. Перетцем параллели убедительны, но в большинстве приводимых им сопоставлений нельзя не видеть явных совпадений между отдельными пассажами, образами «Слова» и текстами древних переводов библейских книг.¹⁵ Параллели эти едва ли могут свидетельствовать о том, что перед нами заимствования в «Слове» библейской лексики и образности, но они убедительно показывают, что целый ряд поэтических фигур и образов «Слова», имея оригинальное самостоятельное значение, входят как закономерное явление в поэтическую систему своей эпохи. Это помогает глубже вникнуть в поэтику «Слова» и подтверждает древность памятника.

Как для монографии о «Слове о полку Игореве», так и для всех статей В. Н. Перетца по «Слову» характерен строгий научный подход к решению вопросов литературной истории произведения. В. Н. Перетц справедливо критиковал целый ряд исследований «Слова о полку Игореве» за наличие в них чисто эмоциональных заключений и высказываний, основанных не на научных доказательствах, а на субъективных впечатлениях. Требование полной объективности, строгой научной обоснованности выдвигаемых гипотез, особенно по отношению к «Слову о полку Игореве», актуально и сейчас. Разумеется, с рядом положений, выдвинутых в монографии и статьях В. Н. Перетца, в настоящее время мы согласиться не можем. Но эти несогласия — результат развития науки, они не умаляют значения книги В. Н. Перетца и других его трудов по «Слову о полку Игореве». И обращение к работам В. Н. Перетца по «Слову» не только за фактическими справками, но и по существу затрагиваемых в них вопросов побуждает более пристально взглянуть на целый ряд, казалось бы, окончательно решенных положений, дает толчок к новым поискам.

Среди специалистов по «Слову о полку Игореве» не раз возникало предложение переиздать книгу В. Н. Перетца, как наиболее исчерпывающий свод комментариев к «Слову». Едва ли, однако, было бы сейчас целесообразным переиздавать этот труд. За время, прошедшее после выхода его из печати, в области комментирования было сделано очень много нового, и назрела необходимость создания нового полного свода всех имеющихся комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» со дня выхода в свет первого издания по настоящее время. Фактической и методической основой для такого рода издания должна послужить книга В. Н. Перетца.

¹⁴ В. Н. Перетц. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг, с. 307—308.

¹⁵ Приведу несколько примеров из В. Н. Перетца, чтобы проиллюстрировать их убедительность. К фразе «Слова» «. . . и стягну умь крѣпостию своею» в параллель приведены такие библейские тексты: «Бог препоясай мя силою», «препоясал мя еси силою на брань» (оба примера из Псалтыри); «препоясавшися в чресла помышления вашего» (из Послания ап. Петра); «немощнии препоясашася силою» (из Книги «Судей»). К фразе «Слова» «Древо съ тугою къ земли приклонилось» дается следующий текст из Книги пророка Иезекииля: «Съмрчесья о нем (царе египетском) дуброва и вся древа польская о нем раслабшася». К «Уныша бо градомъ забрала» — «плачите въплююще врата градная» (из Исайи); «Възпи сердце их к господеву, забрала Слоня да излеют, яко водоточиа, слезы день и ночь» (плач Иеремии), и т. п.